

9.06.2004

2004 - Июнь - с. 12 (1729)

СВЕТЛЫЕ СТРОКИ НАТАЛЬИ КОНЧАЛОВСКОЙ

**«И ВСЕ ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ ОДНОГО -
ОТ ТАЛАНТА. ЭТО И ЕСТЬ ВОЛШЕБСТВО»**

Этими словами заканчивается предисловие к книге очерков Натальи Кончаловской «Волшебство и трудолюбие», только что увидевшей свет в издательстве «Молодая гвардия».

Грин когда-то сказал, что детское живет в человеке до седых волос. Вера в волшебство, как известно, больше свойственна детям. И Наталья Петровна Кончаловская, одна из тех немногих представителей русской культуры двадцатого столетия, кто сумел прожить свой век с удивительным благородством и достоинством, какое-то светлое, детское удивление перед волшебством мира сохраняла до конца дней.

Причем здесь не было ни грамма наивности. В ореоле славы деда, отца, мужа и сыновей она всегда

бушки-француженки, Елизаветы Шаре, и твердой убежденностью в необходимости просвещения другого деда, знаменитого российского книгоиздателя Петра Петровича Кончаловского. У нас еще долго будут ломать копыя интеллектуалы, до хрипоты спора, как же все-таки определить: ну что же такое она, эта до сих пор непонятная русская интеллигенция. И пример достойной, твердой жизни Натальи Петровны очень многим сможет помочь в этой нескончаемой дискуссии.

Да, она всегда поступала так, как считала нужным. Так, когда ей было

выступавшие на представлении книги в Парадном зале Российского Фонда Культуры. Президент Фонда Никита Сергеевич Михалков, представив до отказа набитому залу свой фильм «Мама», вспоминал об удивительном даре терпения Натальи Петровны. «Значит, так надо», - говорила она сыновьям.

Причем это было именно то ясное спокойствие, которое давало силы для дальнейшей жизни. Той, в которой она ценила каждый день и радовалась каждому новому утру.

И недаром книга названа «Вол-

шебство и трудолюбие». Наталья Петровна не могла сидеть ни секунды без дела. Это была проза или переводы, или бесконечные домашние заботы, которые разрешались спокойно и легко. Но всегда это была занятость.

Одной из главных привязанностей Натальи Петровны была Франция. О том, что она, человек европейски образованный, блестяще владела языком, на котором веками назад говорила вся интеллектуальная и государственная элита России, наверное, и говорить не стоит. Но можно напомнить, что именно благодаря ей мы во многом прикоснулись к чуду Франции и ее культуры.

Переводы Кончаловской великого провансальского поэта Мистрала, ее очерки о скульпторе Майоле, под знаком которого до сих пор развивается мировое искусство, ее рассказы об Эдит Piaф и неугомон-

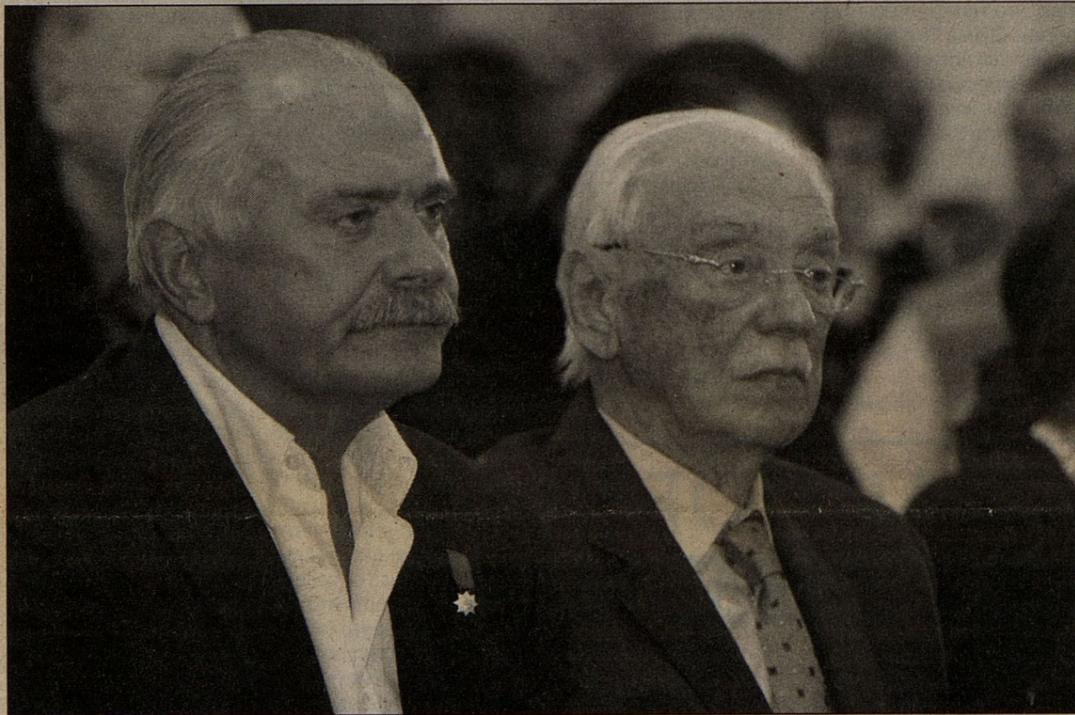
ном бунтаре с гитарой Жорже Брасенсе и сегодня читаются на одном дыхании.

Так же ярко выписаны воспоминания об отце, о его яростной любви к жизни, которую он сумел передать на своих неповторимых холстах. О том, как в самые непростые времена люди могут согреть себя.

Мы сегодня все время ищем опору, чтобы обрести то, что так ясно выразил Пушкин, «самостояние человека». И, наверное, очень хороший ориентир в этих вечных поисках - жизнь и творчество Натальи Петровны Кончаловской.

Виктор ЛЕОНИДОВ.

На снимках: портрет Натальи Кончаловской, Сергей и Никита Михалковы, Наталья Дурова на вечере в Российском фонде культуры. Фото Антонина Бастакова.

оставалась самой собой. Женщиной, которая никогда не переставала восхищаться окружающим ее. Жизнью, которая действительно волшебна.

И это удивление и восторг она, как мало кто другой, могла донести до листа бумаги.

Это ведь очень сложно - воплотить в слова вспыхнувшие, как зарницы, чувства. Восторг перед белизной снега, красотой провансальских деревень, неумным ритмом Парижа, таинством живописи и поэзии. И она умела это делать. Умела с помощью ясной, прозрачной, крепкой прозы, так порой напоминающей сочные раблезианские картины ее отца - великого русского живописца Петра Петровича Кончаловского.

В своем фильме, посвященном матери, Никита Сергеевич Михалков вспоминает, что для нее очень подходило слова ее деда, другого гениального русского художника, чьи полотна порой могут больше объяснить загадки нашей истории, чем многотомные тома историков. Василий Иванович Суриков часто говорил, что не переваривает слово «теплый». Бывает либо горячо, либо холодно. Человеком таким же бескомпромиссным, когда речь шла о вещах серьезных, и была Наталья Петровна.

Яркая, мощная натура, воля сибирских казаков, шедшая от деда, всегда жили в ней. Все это сочеталось с галантными традициями ба-

бушки-француженки, Елизаветы Шаре, и твердой убежденностью в необходимости просвещения другого деда, знаменитого российского книгоиздателя Петра Петровича Кончаловского. У нас еще долго будут ломать копыя интеллектуалы, до хрипоты спора, как же все-таки определить: ну что же такое она, эта до сих пор непонятная русская интеллигенция. И пример достойной, твердой жизни Натальи Петровны очень многим сможет помочь в этой нескончаемой дискуссии.

Америка, к слову, подарила ей дружбу с Коненковым, образ которого она с такой силой воплотила в своих воспоминаниях.

«...Он кровно любил свою смоленскую землю и трудземлепашцев, от которых и унаследовал эту свою мощь».

Мощь эта жила и в постоянном движении вперед, в вечном поиске нового, но новаторство не было позой - «в ногу со временем», оно было в постоянном живом восприятии, каждом рассвете нового дня. И даже в сверхпочтенном возрасте, когда в обыкновенном человеке уже гаснет разум, в 97-летнем Коненкове, внешне напоминавшем какого-то пророка, разум не угасал до последнего удара его могучего сердца».

Все вышеприведенное, кроме точного указания возраста, Наталья Петровна могла написать о себе. И это еще и еще раз доказывает книга, ставшая одной из главных удач серии «Библиотека мемуаров» московского издательства «Молодая гвардия».

О Наталье Петровне, о том, как рождалась эта книга, и говорили

9.06.04

Кончаловская Наталья
(иссабелкина)

123